Бронепоезд 'Спартак'

Всеволод Витальевич Вишневский

SHOUT
SHARE
IT

- Вишневский Всеволод Витальевич

Вишневский Всеволод Витальевич Бронепоезд 'Спартак'

Всеволод Витальевич ВИШНЕВСКИЙ
БРОНЕПОЕЗД "СПАРТАК"
Рассказ

- Встать!

- Вста-ать!

И бойцы, повстанцы Украины, встают. Они встают медленно и грузно... В походах прилип чернозем Украины к ногам бойцов. Ноги натружены, огромны и тяжелы. Как ими идти, как ими ступать по степям Таврии?..

- Вста-ать!

Встань и ты, если наш. Встань и слушай повелительный возглас, вскаляющий кровь, - возглас следующий по уставу, блюдимому нами, "Встать!"

А если ты не наш, если ты враг, - присутствуй здесь и гляди на то, что произойдет. Гляди, недострелянный! Гляди, пока жив! И слушай, слушай!

Бойцы, повстанцы Украины, встали. И за возгласом "Встать!" по степи Таврической лег клич:

- Вперед!

- Вперьод!

Вперед, хлопцы! Вперед, товарищи! С нами! Мы идем в атаку! Мы идем брать Мариуполь. Сегодня, 24 марта 1919 года.

Ты был, родной, в атаке? Был? Дай, старый боец, руку на ходу. Шире шаг! Пошли!.. Идем сегодня снова!

А ты, комсомолец? Идем, браток. Ты много увидишь и поймешь сегодня...

* * *

По степи Таврической - тяжелая поступь бойцов. Нет еще встречных пуль, но сердце бьется неровно. Что будет сегодня, что будет сегодня?

Город молчит... Море молчит... Небо молчит... Только степь гудит... Наши глотки гудят... В твою славу, за твою жизнь, Украина, и - пусть! гудят перед нашей смертью!

Город заговорил:

- Дывись, Яким Хруш упал.

- Хто там около ранетых остановывсь? А ну, вперьод!

- Дывись, Трохим Конура упал.

- Вбыт. А ну, ходом!

Дивись, Украина! Дивись! Партизаны идут, не идут - летом

рвут. Ах, пули бьют, бьют... По наше мясо плачут, кричат. Чуешь, Украина? Чуешь, мати?!

В цепи и матросы, бригаде в помощь данные, летят. Ходом! Ходом!

Жарко бежать в атаке, тяжело бежать. Двести патронов на теле, и каждый патрон более пяти золотников.

Пули бьют, бьют... Глухим бы сделаться. А ну, не робеть! Швидче! Кто там в землю лезет?..

- Партизани! Товариство! А ну, разом, а ну, возьмем! Вперьод!

И, наискось держа винтовки затворами у глаз - хоть одна бойцу от пули защита! - кидаются партизаны к первым домам. За вильну Украину!

Опалены вражьими выстрелами брови и ресницы, и опять падают повстанцы. Умирающие дышат кислым запахом бездымного пороха.

Залегли все. Сливают кровь раненые, и идет от нее пар.

Примолк город. Белые держатся.

И когда примолк, - еще раз рев по его стенам шарахнул:

- Виддай Мариуполь!

Братки хрипят:

- А ну, дай море!

От бега тяжелых ног задрожал город.

- Отдай!

- Видда-а-ай!..

Третья бригада повстанцев вошла в Мариуполь. Белых - в пыль. Штаб бригады быстро и победно дал телеграмму: "Мариуполь занят". И дальше стучат юзы...

Что будет сегодня! Что будет сегодня!

* * *

И в тот же день, следом за атакой, паровоз по рельсам прыгает, мотается, семьдесят верст в час идет, ветер свистит, - рот и нос забивает. Стук на стыках, как пулеметный - в одно сливается. Рви, ай, рви!

К Азовскому морю три матроса летят в третью бригаду, чтоб обстановку узнать. Машинист из окошка руку свесил, на руке стальная цепь-браслет знак силы и верности. Машинист свой - с эскадренного миноносца Черноморского флота "Гневный".

Приазовская степь. Таврия. Морем пахнет. Чуют матросы, ох, чуют, не ошибутся! Море вновь увидят, на море глаз положат! Дай море, дай!

Дыханье азовское флотские ленточки вьет, распластаны они по ветру. На тендере матросы, на каменном угле открыто стоят, качаются, грудями воздух секут. Рви, ай, рви!

Едут матросы на дело, о судьбе голов своих про себя

думают... А ветер бьет, хлещет. Камышом, тиной, рыбой, солью пахнет. Рви, машинист, прибавь там ходу, - эй!

- Под откосом будем!

- Фактец - буде-ем. Прибавь!

- Есть прибавить!

Смех, ой, смех с такого дела! С такого хода рельсы разболтать на этой ветке можно. Петрушка выйдет. Но парни не в шалость ход прибавляют - парни о боевом приказе думают. Успеть надо.

- Который час?

- Одиннадцать.

- Час имеем.

За Волновахой напрямую к морю вынеслись. Бушлаты поскидали, к топке кинулись. Лопаты звенят, уголь в расплавку идет, глядеть нельзя. Манометр стоп кричит, парни уголь в топку садят. Скорее, скорее! Именем морской бригады путь на Мариуполь для паровоза освобожден. Прямой провод работает, телеграфисты стучат, как только паровоз мимо станции прогрохает... Прошел... Прошел... Прошел...

Рви, прибавь еще! Осатанели матросы. Машинист на манометр глядит, кричит:

- Большой кошьмар выйдет!

Ничего не слышат матросы. За руку машинист их хватает, пальцем тычет - стрелка куда за красной чертой.

- Кошьмар выйдет!

- А... чтоб ты понял - во!

На манометр бескозырку надели. И не видно - чего там стрелка беспокоится.

Парни, рви! Дело за дело идет. Свое мясо пожалеете - беда будет!

Влетели в Мариуполь...

- Который час?

- Одиннадцать часов тридцать пять минут. Так!

С ходу - стоп сделали, на землю спрыгнули. Двое матросов по-украински балакают, один - нижегородский.

- Где штаб?

- Ось там.

Летят - шаг в сажень. Часовые стоят, на их поясах рядами висят немецкие гранаты - деревянными ручками вниз. Матросы к часовым. Часовые глядят:

- Це ж вы видкиля?

- З Александровська!..

- Так. А що ж вы с Александровська?

- Трэба.

- А що ж вам трэба?

- А ну, что я с тобой буду балачками заниматься! Кличь товарищей начальство. Ну!

- А що ж я буду клыкать, як воно и само идэ.

Щус подходит, матрос черноморский со "Свободной России", вторая голова повстанья. Венгерка на братке ярко-синяя с золотом, фуражка - с ленточкой георгиевской черноморской и шпалеруха "Стейер" в пол-аршина.

- Здоров.

- Товарищки дорогие!

- Гостэчки дорогие!

Не знает, как принять, как посадить.

Матросы о командире третьей бригады спрашивают:

- Як батько?

- Батько живэ.

- Ну, и добрэ.

Вежливость сначала. Теперь пора чуть-чуть и к делу:

- Щус, як воюетэ?

- Дякую, гадов бьемо, аж пыль лэтыть. Зараз бой хранцюзам даемо... У порту эскадра...

* * *

"Мариуполь занят"... Но в порту французская эскадра. Не тороплива ли была телеграмма третьей бригады?

* * *

Дальше разговор:

- Знаем. С того, друже, и летели сюда. Как там на эскадре?

- Ультиматум им с Красной Армией дали, шоб убирались к боговой матери.

- Так, лихо им в рот!

- Порушимо. В двенадцять годын по хрянцюзам огонь откроемо з вашего бронепоезда, як з Мариуполя не повыкатяться. Вы тилько доглядайте за бронепоездом. Воны там аутономыю разводьят... Бис их знае, що воны думають... Ескадры, мабуть, пугаются...

Бронепоезд "Спартак" - недавно сформирован, - по портовой ветке пошел. Партизаны глядят:

- О, идэ!

Три товарища с паровоза идут на "Спартак" и дают пакет командиру бронепоезда. Три товарища летели с пакетом потому, что прямые провода во фронтовом районе - нам не гарантия.

В 12 часов, в полдень, истекает срок ультиматума, от имени Красной Армии предъявленного командованию французской эскадры: "Красная Армия требует очистить Мариупольский порт. Красная Армия требует прекратить погрузку угля на французские суда. Уголь - достояние Украинской Советской республики".

Ответ гласит:

"Французская республика. Правительству России в свое время были предоставлены Францией суммы, кои не возмещены, и принимаемый по необходимости военного времени уголь из запасов Мариупольского порта является компенсацией, получаемой Францией за означенные выше невозмещенные суммы, как упомянуто и как подчеркивается повторно, в свое время предоставленные ею правительству России. К сему командующий французской эскадрой.

Рейд Мариупольский. 24 марта 1919 г.".

Ответ на ответ гласит: "Суммы, упоминаемые командующим французской эскадрой, предоставлены были правительству царской России, но не правительству Советской Республики. И потому за этими суммами надлежит обращаться именно к тем, кто эти суммы получал. Напоминаем свое требование: в 12 часов сего числа французским судам надлежит сняться с якорей и покинуть Мариуполь".

Ответ гласит: "Французская республика. Доводится до вашего сведения, что погрузка угля будет продолжаться. К сему командующий французской эскадрой".

"Спартак" стоит. Эскадра в порту. В бинокль видно - уголь грузят. А уголь донецкий, знаменитый. Угля этого в Балтике ждут, угля этого заводские кочегарки Украины и России ждут!

В двенадцать часов будет решение дела. "Спартак" поступит согласно революционной необходимости. Пакет-приказ доставлен. Три товарища об этом просили, и обещала команда - выполнить.

* * *

Щус спросил:

- Ну, як? Выполнят?

- Выполнят.

- Без аутономыи?

- Все будет в порядке.

* * *

На "Спартаке". Часы вынуты. Снаряды из гнезд погреба вынуты. На случай боя в городе, если будет французский десант, гранаты ручные вынуты. Пулеметные ленты из ящиков концами вынуты.

У носового орудия матросы стоят. На корабли Франции смотрят.

- Стоят, гады!

Матросы и ругаются, и любуются кораблями Франции, скользят глазом по бортам, мачтам и трубам... Фартовые корабли! Дадут залп - бож-же мой! пропадешь. Мысли сразу являются на

этот счет...

- Сколько осталось?

- Без восьми.

- Охо-хо!.. Фартовые корабли! А наши - потопленные в Новороссийске лежат... Ы-ых!..

Стоят французы один-в-один - миноносцы и транспорта. Горят, блестят красота, помереть можно! Комендоры спартаковские тихо на скрещение нитей прицела самую красоту эту и блеск уже взяли. Взяли исподтишка. Приходится... Да, вот: хорошо, удобно брать прицел, когда у противника блестят корабли, когда спасательные круги белеют отчетливо, когда медь горит.

- Ну, как?

- Без семи.

К бронепоезду Щус подходит:

- Здоровэньки булы, хлопцы!

- Здорово, Щус.

Оглядел. Видит - готовятся. Улыбается Щус - боевой дьявол!

- Гарнэнько. Як там, товарищки, скильки осталось?

- Пьять минут.

- Поковиряемо! (Видит - лица боем не горят.) Хлопцы, вы не бойтэсь... Вы ще нэ бачили, яки ми бои на Украине приймали! Потроха хранцюзам пораскидаемо. Никому угля не дамо. Партизаньский уголь. Ми им нагрузимо!

- Щус, дай по банке!

- Могу усю команду угостыть. Тилько постарайтэсь.

Дернули по банке, кишки ожгли. Хорошо!

Балакают со Щусом, на часы поглядывают.

Партизаны берегом вперед выдвигаются - на эскадру цепью идут. Лихие хлопцы!

Петр Попов к прицелу орудия прилип. Минута осталась.

- Глаз выдавишь, Петро!

- Не бойсь.

Глядит Щус на эскадру. Оценивает. Сам моряк. Петру Попову командует:

- Наводь, на полный!

- Есть.

* * *

Коротка минута. Поглядишь и дашь приказ, - и истекла минута.

На часах двенадцать.

Полдень!

Полдень!

Корабли французские уголь грузят.

Полдень!

Даже не видно, чтобы на палубах кто-нибудь к концам вышел.

"Спартак" стоит, не дымит - кочегары дело знают в совершенстве. Тут за один дымок - с кораблей плевок, и ваших нет. Действуют поэтому кочегары, как надо. Пропадать неохота. Из трубы только теплый воздух, а дыму нет. Уметь надо.

Щус командует:

- Хлопци, а ну, вдарьтэ!

- У-ух, считай остаток жизни, французский адмирал!

Щус - матрос черноморский, рука Повстанья Украины, - огонь с бронепоезда открывает, всей Антанте вызов бросая!

- Вдарьтэ, хлопци!

Даже не шевелятся матросы.

- Огонь, кажу, хлопци!

И не глядят матросы.

- Огонь, хлопчики! Партизаны ждуть!

И не глядят матросы.

- Що ж вы - не подчиняетесь? А!

- Не кричи. Ша!

Помолчал Щус, и желчь в рот пошла.

- Измэна! Пострелять усих. Пьянии?

- Не кричи на ветру. Простудишься.

Щус командира бронепоезда в грудь бьет. Долой такого командира!

Щус командование берет на себя. Во имя Повстанья! Во имя вольности Украины!

Щус другого в грудь бьет.

- Кацапы!

Попов от прицела отходит. Щусу нос на сторону сворачивает, сурик из этого носа пускает, за волосы держит, в ухо дает, в морду Щуса, как в бубен бьет, о броняшку стукает и просит:

- Не авраль.

- А-а-а-а-а!..

- А не кричи.

- А-а-а-а-а!..

- А не кричи.

* * *

Приказ штаба третьей бригады не выполнен матросами.

Ты улыбаешься, враг? Ну, кричи: на командование бригады матросы руку подняли! Ну, кричи: предательство!..

* * *

Кого побили? Щуса - второго в третьей бригаде, руку повстанческих сил Украины побили!

Ой, быть человечьей смерти! Ой, быть человечьей смерти!

Гнев качает Щуса...

А матросы меж собой разговаривают:

- Выкинь его за борт.

Сбросили.

Потом:

- А ну, подымись! Подыми головку, скажи "а".

И тут сорвали с фуражки Щуса ленточку. Оскорбили насмерть.

Ой, быть человечьей смерти!..

* * *

Гнев качает Щуса!

Щус бежит, кровь свою пьет.

В штабе повстанцев зубами скрипят: кого побили - Щуса!

И к повстанцам весть бежит: "Измена!"

12 часов 10 минут.

Эскадра стоит. Уголь берет. На ультиматум Красной Армии крест кладет.

* * *

Что делать, товарищи? Сейчас - прикинув - будем действовать...

* * *

Щус в штабе бригады шумит:

- Продали! На часы смотрите! 12 часов 15 минут! Продали матросы.

12 часов 16 минут.

В штабе бригады решенье: диктует командир третьей бригады Нестор Махно:

- Бросай бригаду на бронепоезд. Давить изменников всих чисто!

* * *

Кричит сигнальщик на "Спартаке":

- Сходни убирают!

- Так.

- К концам идут!

- Так?

Корабли французские покидают порт.

Дым стелют черный и уходят в него. Не видно в дымовой завесе кораблей.

* * *

Прикинуть, я говорил, надо. Ведь могут же часы у французов отставать или у нас спешить. Бывает же?..

- Действовать, я говорил...

* * *

Спартаковцы тихо и не спеша садятся обедать на палубе -

орудийной площадке. Сегодня макароны. Ну и макароны наварили, ай, макароны!

Сели товарищи. Лица их безмятежны... Боем не светят...

Чья-то мысль в эти лица бьет: "Боязливо выждали!"

Не надо, товарищ! Кто сидит, знаешь? Ведь не видно, не написано... Коммунары сидят, военные моряки Волжской военной флотилии, старые матросы.

Первый: командир бронепоезда Степанов, краснознаменец дважды, ибо на груди у него орден и корабль его - сторожевик "Борец за свободу" имеет флаг с орденом.

Второй: Попов Петр, машинист самостоятельного управления с краснознаменного военного корабля "Ваня-коммунист" No 5. По требованию необходимости - ныне у орудия. Трижды ранен, и раны его - из первых в революцию ран матросских.

Третий: Донцов Михаил, с краснознаменного военного корабля "Ваня-коммунист" No 5. Будет товарищ убит в бою с Шкуро в июне 1919 года. Отдайте больше, чем он!..

Сидят коммунары...

Фыркнул Попов, и макароны фонтаном изо рта вылетели:

- Ой!.. "Наводи, - говорит, - на полный..." Адмирал Щус...

Ржут парни.

- А он Юхименко ударил и кацапом назвал!

- Ну, и кацап! Юхименко, чуешь, ты кацап!..

- Го-го-го!

- Пьяный, говорит... Ай, дура! С одной банки - матрос пьяный?!

Михаил Донцов чешет:

- Щус, пожалуй, на тебя обидится, а? Смотри, Петро.

Попов гудит:

- Ну, а что он мне сделает? Не скажет разве завтра "доброе утро"? А? Дела! Ой, братва, макароны, ну, и макароны сегодня!

Обедают товарищи боевые, уплетают макароны коммунары. Про эскадру вспоминают. Ничего эскадра, солидная эскадра, красивая эскадра республики Франции. И ход хороший, быстро от берегов наших смывается.

* * *

Опять мысль чья-то: в чем же дело?! Как же так?

Разберем.

У товарищей боевых глаз веселый - обработали дело. Еще раз командир бронепоезда секретный пакет, с паровоза доставленный тремя товарищами (двух убьет - один довезет, вот трех и послали), перечитывает:

"Имея в виду огромное превосходство противника и сложность обстановки, ни в коем случае первым не начинать

артиллерийского боя, ибо в этом случае Красную Армию французское командование обвинит в предательском нападении и извлечет из этого пользу. Вызвав противника на ответ, мы поставим Мариуполь в опасное положение, будут напрасные жертвы среди населения, возникнут пожары, и, возможно, пострадает и бронепоезд единственный на участке 3-й бригады. Действовать поэтому осмотрительно, не сообщая о сей инструкции махновцам, иначе они сами откроют огонь, и не поддаваясь требованиям махновцев, склонных втягиваться в операции без расчета. Командование рассчитывает добиться ухода французов мерами переговорными, имея в виду общую обстановку, вынуждающую союзников к отступлению.

В остальном вам надлежит действовать строго сообразно обстановке".

Есть, так держать!

* * *

Эй, радовавшийся предательству! Гляди, что будет еще впереди!

А ты, браток, понял?

* * *

Ветер спал, "Спартак" стоит, коммунары макароны убрали, доели, утерлись, покурили. Жизнь! Зачем и помирать!

Команде - по морскому уставу положено иметь время послеобеденного отдыха...

Нежнейше овевает всех бриз с моря. Нежнейше в тишине дня гитара заиграла "Страдание"... Струны источают тончайшее и грустное, сладкую печаль на матросов наводят, и головы их к броне клонятся... И кого-то жаль, и кого-то нет...

И необъяснимы мысли у матросов, такие неясные, неопределенные, шевелится затаенная боль...

Кто там играет так, гей?! Отчего печаль?

Играет Петро Попов. Возит с собой гитару, укутанную в кожаную тужурку, чтобы при стрельбе не побилась. Гитару возит везде и, когда руки не заняты орудием, вынимает ее, расправив нежный бантик на грифе.

- Слабость у вас, товарищ, слабость по мещанской гитарке, а еще партиец и военмор!

- Правда ваша, строгий и точный товарищ, что ж делать? - Слабость!

Петро меланхолично уже "Марусеньку" играет. Товарищи слушают, стараясь не шуметь.

Играет Петро. На гитаре бантик нежненький и надпись трогательная: "От Реввоенсовета Республики. За штурм Казани 10 сентября 1918. Команде военного корабля "Ваня-коммунист" No

5".

* * *

Трое матросов, что из Александровска, до Щуса идут - в штаб третьей бригады.

- Щус, давай говорить.

- А ыдыть вы, пока я вас всих не пострилял!

Ходит Щус по комнате, морду руками поддерживает. Кольца на пальцах.

- Да ты не горьячись, чудачька ты, Щус.

Щус кольт вынимает, в упор в одного бьет, а пуля мимо - в стенку идет. Матросы к стенке - смотрят, хвалят:

- Вот здорово!

- Ой, дирочка!

- Дырочька, как у курочьки! (И медленно, так, между прочим.) Щус, ты, может, думаешь, что мы этого делать не умеем?

И видит Щус шесть глаз, как шесть смертельных дыр на теле своем. Щус тогда садится. Дверь открывается. Махновский палач входит:

- Чего шумэлы?

- Так.

- Щус, дэ арестованных вэсти?

- Котори направо сидьят - пострилляй, Костичька; котори налево - до батька на разборку.

- Добре.

- Потим придешь, доложишь, Костичька.

- Добре.

Вышел.

Матросы опять:

- Щус, брось, вот взял - в бутылку залез! Брось! Ну, поспорились помирились. Эскадра ушла же.

- Та ще подывлюсь, як воны мырытьца прийдут... Воны у менэ сльозамы вмываться будуть - я им кипятку в душу поналываю!

Дверь открылась. Махновский палач снова вошел:

- Вже. Котри налево були - пострилял, котри направо - построил, до батька вэду...

- Ошибка в тебэ, Костичька, выйшла. Трэба було пострильять тих, що направо.

- От-то ж бис попутал! Ай, и попутал!.. Ну... Що ж, добре.

Ушел.

Матросы опять:

- Щус, давай по-доброму. Гад будешь... Что мы на тебя зло имеем? Да умереть на месте!

Задание выполняют свято.

- Та и я, мабудь, зла на вас троих не маю... Тилько ции спартаковськи коммунисти жить нэ будуть.

Дверь открылась. Махновский палач опять вошел:

- Вже пидправил. Котри направо булы - пострилял.

- Так. И тих и тих пострилял?

- Эге ж. Воны уси контрики. И з дочками своими. Воно и так по карточкам видно.

И два колечка Щусу отдал. Маленькие колечки. На мизинец не влезут Щусу.

С моря выстрелы. В чем дело? Но со Щусом разговор надо вести инструкция о нем говорит, а не о выстрелах.

- Щус, мы до партизан пийдэм, - поговорим.

- Идыть, идыть. Як за каммуну рот раскроетэ, зараз и проглотыте свинця. (Спохватился и ласково.) Вы, хлопцы, говорыть за анархыу, за мать порядка. Щоб не було властэй, ни якого насылля. Костичька, ыди соби, больше тебя не трэба. (К матросам.) Переходыть, хлопцы, в анархыу, й-бо!

Матросы на лицах раздумье изображают. Все нужно уметь...

* * *

Слушайте, - если надо для дела, - знаете, на что мы способны?.. Я много вам скажу теперь, когда стал книгами говорить о бойцах первого призыва революции... Я день за днем покажу два десятилетия, создавшие нас...

* * *

На берегу стоят партизаны. Гул идет. Спартаковцев смять хотят. Без огня французов упустили! Продажа!

Трое матросов до партизан идут, наганов с собой не берут.

- Га-а, кацапня идэ!

Идут матросы. Загоготали партизаны:

- Каммунистам в хронт! Гэй!

Один матрос говорит:

- Товарищи, здравствуйте! Мы расскажем вам...

- Про то як Щуса вбыть хотэли? На партизан пийшлы!..

- Хранцюзам тикать далы! Упустылы!

- Измэна!

- У-у, вражья сила!..

- Товарищи, дайте говорить. Мы вам обрисуем...

- Рисуй жинке по пузу!

- Воду варыть будэте? Душа вон!

- Та што там, бэй их!

Один партизан винтовку навел. Из трех матросов один - украинец говорит:

- Стриляй, хлопче! (За ворот свой голубой взялся.) И утопысь у крови моий и товарищей моих. Хай вена, кровь моя, тут у моей

Мариупольщини уся выйдэ.

Стоит партизан, на матроса глядит и говорит:

- Хиба ты мариупольский?

- Мариупольский.

- Мабудь брэшит? А ну, перекрэстысь.

- Ни, не перекрэщусь.

- Чого?

- Бог с довольствия в нас снятый.

- Гы-ы!..

Один кричит:

- Хлопцы, брэшет матрос, який вин мариупольский!

Другой подходит, в лицо матросу глядит:

- Ни, не брэшет... То Павло, хромого Нечипора сын с Мангуша. Вин у моего дядька наимытом був...

- А тепэр, дывысь, який цаца!

- Та брось - то ж хворма флотцка...

* * *

Тут корабли Франции по берегу страны, - войны Франции не объявлявшей - огонь открыли. По горизонту желтые вспышки прыгнули. На берегу дерево взлетело на воздух... Морские орудия берег рвут...

Упал еще залп. И в пыль обратился один дом. Удирают партизаны боевые, залегли в канавах. Еще залп упал. И еще один дом раскололся...

А что было бы, если бы в 12 часов тронули эскадру Франции и она открыла бы огонь в упор?! Ну?

* * *

"Спартак" в стороне стоит. Попов на командира смотрит. Командир на Попова смотрит. Оба на машиниста и кочегара смотрят. Все ясно.

"Спартак" дымить начинает. В небо черный, как тучи ночные, дым пошел. Кочегар, что делаешь?

- Что делает? Показывает эскадре место "Спартака".

Как?!

Так:

"Спартак" на себя принимает огонь эскадры. В этом есть революционная необходимость: нельзя допустить истребления партизан, нельзя допустить гибели рабочей слободки и потери угля. Ясно же говорится - и это наш закон - "действовать строго сообразно обстановке".

Матросы у орудий стоят. Стрелять нельзя: из 75-миллиметровых снарядов не долетят до эскадры. Но под обстрелом стоять можно. И шире и выше, и выше черный дым "Спартака".

По горизонту желтые вспышки мечутся. И через четыре минуты залп кораблей Франции ударил по "Спартаку". Степанов, Попов и Донцов, когда пронесло грохот, гарь, пыль и дым, переглянулись без улыбки. Какая улыбка - убить может сейчас! Какая улыбка - сердце стучит! Какая улыбка - жалобно о себе думает каждый! Какая улыбка, когда страх убивает... Но - замечен дым - стреляют по нас!

Один французский корабль приблизился... На сорок три кабельтова подходит... Сорок три кабельтова ставит на диске прицела Попов.

- ...Товсь!

- Залп!

Стекла посыпались в домах. Гильза упала. Пороховым газом понесло. Гремит на море.

Дыханье азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру. На палубе "Спартака" матросы с эскадрой Франции бой ведут.

- Перелет! И лево!

- Сорок два!

Сорок два кабельтова ставит на диске Петро. И десять делений право берет орудие,

- Товсь!

- Залп!

Опять стекла посыпались. Гильза упала. Опять залп с моря упал. Дым французского разрыва с дымом "Спартака" смешался. Броня гудит. Кричит наблюдатель:

- А, запарил! Запарил1

Кричат:

- Уткнулся, стоит!

Вторым снарядом подбил "Спартак" корабль Франции. Спасибо флоту росийскому за артиллерийскую выучку! Давай, крой дальше, "Спартак"!

- Петро, крестников во Франции завел!

- Го-го!

- Товсь!

- Залп!..

* * *

Цел порт, цел уголь, целы партизаны, цел "Спартак". Повезло 24 марта товарищам боевым!

Повезло?

Расчет, товарищи!

* * *

Ночью пишет один из трех матросов:

"Комиссару бригады бронепоездов. На то, что делается в бригаде Махно, необходимо нам обратить самое серьезное

внимание. Те "львы" создают угрозу, и свободный дух течет не в тех берегах, не в том русле, каковое требует жизнь. Анархистические элементы в настоящее время разлагают бригаду, и нам предстоят опасности большие, ибо тут определенно говорят: бить коммунистов. Еще: людей убивают, хотя бы и контрреволюционных, но без суда и следствия, что не соответствует взятому Махно имени-марке "Красная Армия". Когда мы переговаривались, то была против нас со стороны адъютанта Махно стрельба и был таковой же случай через час в одном полку, но остановлен нашими разъяснениями. Герои-бойцы батько Махно - заблуждаются. Необходимо доказать, что партизаны ослеплены в деле понимания идеи революции. Работу таковым курсом ведем и просим с политотдела литературу. "Спартак" поддерживает и имел бой с эскадрой, но на провокации не пошел и поэтому был инцидент со Щусом, несколько потерпевшим. Имеем цель, как удастся, насчет угля принять меры".

Пишут матросы на палубе...

Дыхание азовское ленточки вьет, распластаны они по ветру.

Ночь спускается, укутывает родную Украину тихо, тихо. Матросы не спят. Море вновь взято, на море глаз кладут матросы. Ночной ветер ленточки колышет, у орудий на броневых рубках матросы вахту несут. Волна рядом плещет, камышом, тиной, рыбой и солью пахнет... Часть товарищей с боем возвращенный уголь грузят. Грузят Харькову, грузят Питеру, Балтике эшелоны угольных пульманов.

Служба родимая! Погрузка угольная!

Ночью телеграмма идет: "Мариуполь занят Красной Армией".

Последние два слова - гарантия.

Красная Армия! Померкло солнце в глазах твоих, враг!

1930